

УДК 321+32.019.51

DOI: 10.17223/1998863X/52/19

Н.В. Полякова

К ВОПРОСУ О СИМВОЛИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОЙ БЕЛОРУССКОЙ ПОЛИТИКИ ПАМЯТИ: НАЦИОНАЛИЗМ VS ЗАПАДНОРУСИЗМ

Рассмотрены особенности выстраивания политики памяти в современной Беларуси на примере практик символической коммеморации – создания новых мемориалов, памятников и музеев. Делается вывод, что их функционирование в белорусском публичном пространстве отражает многовекторность политики памяти, основу которой составляет взаимодействие конкурирующих проектов – национализма и западнорусизма, элементы которых используются в официальном историческом нарративе.

Ключевые слова: политика памяти, коммеморация, национализм, западнорусизм, Беларусь.

Символические аспекты политики памяти наглядным образом демонстрируют специфику ее функционирования в том или ином сообществе. Публичные мемориальные практики посредством символической, иллюстративной репрезентации коллективной памяти способствуют ее переводу в действенно-практический контекст, что предопределяет их политическую значимость: «Когда возникает поклонение, память в ее основном, опытном смысле превращается в нечто иное: она становится коммеморациями» [1. С. 152]. Как подчеркивает английский историк Патрик Х. Хаттон, описывая специфику политики коммеморации, ее можно определить как проблему «идентификации и описания тех событий, идей или личностей прежнего времени, которые избираются посредниками власти для хранения в памяти» [2. С. 30]. Обращаясь к особенностям выстраивания политики памяти в современной Беларуси, необходимо отметить особое место, которое в этих процессах занимают коммеморативные практики, связанные с созданием новых мемориалов, памятников и музеев, число которых в последние годы здесь интенсивно растет. Разноплановый характер этих новых проектов наглядно отражает сосуществование в современном белорусском публичном дискурсе нескольких конкурирующих между собой линий политики памяти.

На официальном уровне можно наблюдать преобладание неосоветского нарратива, сфокусированного вокруг репрезентации и реинтерпретации событий Великой Отечественной войны на территории БССР как ключевых моментов для формирования белорусской национальной идентичности. Специфическим стержнем этого нарратива являются в первую очередь темы партизанского движения на территории республики и огромных жертв среди населения. Так, согласно результатам последних исследований в этой области, подтверждаются ранее заявленные данные, согласно которым в годы войны погиб каждый четвертый житель республики: «С учетом поправок можно допустить, что численность населения Беларуси, погибшего на ее территории, на фронтах, на принудительных работах в Германии, а также умер-

шего естественной смертью (возраст, болезни, голод – 557,7 тыс. человек) на земле БССР и в советском тылу... 2,3–2,45 млн человек, что составляет примерно 25% довоенного населения. Это вполне соответствует утвердившемуся понятию „каждый четвертый“» [3. С. 14–15]. Однако некоторые ученые, например, один из ведущих специалистов по истории Холокоста на территории БССР, белорусский историк Э.Г. Иоффе, отстаивают точку зрения о более значительных потерях и приходят к выводу, что погиб каждый третий житель республики (см.: [4]).

В советский период уделялось большое внимание именно монументальному увековечиванию памяти о тех событиях, и сегодня в Беларуси насчитывается около 9 тыс. памятников и захоронений Великой Отечественной войны, которые, в отличие от многих других бывших республик СССР, бережно охраняются, реставрируются и поддерживаются в надлежащем виде. Кроме того, постоянно идет строительство новых мемориалов, посвященных различным специфическим аспектам памяти о событиях Великой Отечественной войны. В последние годы коммеморации подвергаются не только события, связанные с собственно военными победами (например, к 70-летию освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков в д. Раковичи Светлогорского района Гомельской области был открыт мемориальный комплекс «Операция Багратион», посвященный одной из крупнейших наступательных военных операций Великой Отечественной войны), но и «травматические» страницы военной истории, в том числе имеющие отношение к Холокосту (например, строительство мемориала «Тростенец» в память о жертвах одного из крупнейших в Европе лагерей смерти было начато в окрестностях г. Минска в 2015 г., а его торжественное открытие, на которое приехали федеральные президенты Германии и Австрии Франк-Вальтер Штайнмайер и Александр Ван дер Беллен, состоялось 29 июня 2018 г.). Таким образом, в официальном дискурсе памяти белорусский образ войны как его стержневой компонент имеет свою специфику, которая начала складываться еще в СССР, но на современном этапе эта тенденция к спецификации продолжает углубляться, что характерно в целом для практик коммеморации, посредством которых независимые сообщества стремятся манифестировать собственные ключевые отличия [5. С. 12]. Белорусский социолог А.Л. Ластовский отмечает, что «в современной Беларуси память о войне наполнена иным содержанием: укреплению национальной идентичности способствует концентрация риторики на роли белорусского народа в победе над фашизмом» [6. С. 93].

При этом параллельно с несоветским нарративом продолжают развиваться два других, традиционно находящихся в оппозиции друг к другу, – белорусского национализма и западнорусизма, элементы которых в различных пропорциях ситуативно используются на современном этапе и в официальном дискурсе белорусской политики памяти.

Точкой отсчета белорусского национализма в исследовательских кругах принято считать выход в свет в 1891 г. в Кракове книги уроженца Виленской губернии Франциска Богусевича «Дудка белорусская». В предисловии к этому поэтическому сборнику автор, выступивший под псевдонимом Мацей Бурачок, сформулировал так называемую программу «белорусской идентичности», которая была взята на вооружение формировавшимся в тот период движением белорусского национализма. Это программа, ставшая своеобраз-

ным националистическим манифестом, сохраняет свое значение в рамках белорусского националистического дискурса до настоящего времени. Основными ее пунктами были утверждение особой языковой общности белорусов и идеализация Великого княжества Литовского как «золотого века» в истории белорусского народа, когда, по словам автора, со времен Гедимина и Витовта «в середине Литвы, как то зернышка в орехах, была наша земляца – Беларусь!» [7]. В этом предисловии Богушевич определил белорусскую идентичность в границах распространения «отцовского исконного», «белорусского» языка, который несправедливо называли «мужицким»: «...от Вильнюса до Мозыря, от Витебска за малым не до Чернигова, где Гродно, Минск, Могилев, Вильнюс и много городков и деревень...» [Там же].

В современной версии белорусского националистического нарратива, направленного в первую очередь против России как значимого Другого, конкурируют при этом две версии о происхождении белорусов. Согласно ранней националистической версии акцент делался на более «чистом», славянском происхождении белорусов в отличие от русских, в генезисе которых присутствовал сильно выраженный финно-угорский и даже азиатский элемент: «Белорусское племя сохранило наибольшую чистоту славянского типа, и в этом смысле белорусы, подобно полякам, являются наиболее чистым славянским племенем. В историческом прошлом Белоруссии нет никаких элементов скрещивания, потому что никакие народы в массе не поселялись в этой стороне... Великорусское же племя явилось в сильнейшей мере результатом скрещивания славянского племени с финнами и тюрками» [8. С. 24]. Позднее в националистическую аргументацию добавляется «балтский миф», который инструментально оказывается более удобным для полного исключения белорусов из «общерусского» контекста (см.: [9]). В итоге «белорусский национализм изначально держался на „трех китах“: культивирование белорусского языка, фетишизация литовского периода в истории Белоруссии и постулирование разного „состава крови“ у белорусов и великорусов» [10].

В свою очередь, проект западнорусизма также оформился в дореволюционный период, в первую очередь под влиянием впечатлений от событий польского восстания 1863–1864 гг. и мер по его подавлению. Как отмечает белорусский историк Д.В. Карев, эти события «заставили многих публицистов, общественных и государственных деятелей, ученых страны открыть для себя Беларусь и „белорусский вопрос“ не только как вполне ощутимые реалии политического настоящего империи, но и как явление, имеющее древние исторические корни и свою историю» [11. С. 92]. Сложившийся на этой основе проект западнорусизма был изначально сориентирован на версию об этноцивилизационном единстве всех восточнославянских народов (русских, украинцев и белорусов) и критически настроен по отношению к различным формам выстраивания национальной идентичности восточных славян вне общего контекста: «И хотя западнорусизм получил свое развитие преимущественно на белорусской земле, своим культурно-идеологическим и политическим потенциалом он охватывает всю Западную Русь, к которой географически принадлежит не только Белоруссия, но и значительная часть Украины» [12]. Стоявший у истоков этого направления уроженец Гродненской губернии, историк, политический публицист и издатель М.И. Коялович, полагавший, что белорусы являются самобытной частью русского народа наравне с

великороссами и малороссами, а местное белорусское наречие – это «мост» между малороссийским и великорусским наречиями, в самом названии своих «Лекций по истории Западной России» обозначил этимологию термина «западнорусизм» (см.: [13]). На современном этапе сторонники данного проекта стремятся к поддержанию идеи общей «русскости» как системообразующего принципа и, как следствие, к стиранию различий в рамках общего культурного, социоэкономического и геополитического пространства. При этом украинская и белорусская культура, украинский и белорусский языки не отвергаются, но рассматриваются в западнорусизме как составные элементы общерусской культуры. В свою очередь, их оппоненты из националистического лагеря квалифицируют идеи западнорусизма как проявление российской имперской идеологии в современной Беларуси.

Оба этих нарратива – национализма и западнорусизма – представлены в белорусском символическом пространстве очень неравномерно. Проект белорусского национализма оказывается сегодня в более выигрышном положении: в последние годы можно наблюдать явную активизацию практик коммеморации отдельных элементов истории Великого княжества Литовского, а также Речи Посполитой, ставшей после Люблинской унии 1569 г. наследницей данной традиции, в первую очередь посредством установки памятников видным политическим фигурам того периода. Так, 24 июня 2014 г. в Витебске, на Рыночной площади, напротив Свято-Воскресенской церкви и городской ратуши, вопреки протестам со стороны противников этого мемориального проекта, был установлен памятник великому князю литовскому Ольгерду [14]. Показательно, что первоначально в центре Витебска планировалась установка наряду с памятником Ольгерду и памятника русскому князю Александру Невскому и его жене – витебской княжне Александре – с сыном Василием, но под нажимом националистического лобби этот проект тогда не был осуществлен. В 2015 г. эта тема снова попала в ракурс публичного обсуждения, а положительные подвижки по поводу памятника некоторые эксперты напрямую связывали с прошедшим 3 марта 2015 г. в Москве награждением Президента Беларуси А.Г. Лукашенко российским Орденом Александра Невского. В конечном итоге проект был все-таки реализован: 24 июня 2016 г. памятник Александру Невскому с женой и сыном был торжественно установлен рядом с Благовещенской церковью в центре Витебска [15]. В начале сентября 2019 г. в г. Лида Гродненской области был торжественно открыт памятник еще одному политическому лидеру Великого княжества Литовского – князю Гедимину, а сейчас прорабатывается вопрос об установке памятника князю Миндовгу в г. Новогрудке. Кроме того, активно проводятся коммеморации в форме музейных проектов, связанных с историческими фигурами, прославившимися своей антироссийской деятельностью в более поздний имперский период. Так, еще в 2004 г. была восстановлена усадьба лидера Польского восстания 1794 г. Тадеуша Костюшко в г. Коссово (Ивацевичский район Брестской области), где родился национальный герой Польши. На восстановление усадьбы, которая была сожжена в период Великой Отечественной войны (в августе 1942 г.), и организацию на ее базе нового музейного пространства были выделены средства из госбюджета Республики Беларусь, а также на этот проект был получен грант правительства США, чьим национальным героем периода Войны за независимость (1775–

1783) также является Т. Костюшко. Таким образом, подобные практики коммеморации, опирающиеся на инициативы соответствующих заинтересованных политико-идеологических сил и региональных властей, находят сегодня поддержку в Беларуси и на общегосударственном уровне: поиск национальной идентичности приводит белорусские власти к инкорпорированию элементов местного, обычно антироссийски ориентированного национализма в собственный официальный дискурс.

В свою очередь, коммеморативные символические проекты западнорусизма в современной Белоруссии, в отличие от идейно-просветительских и научных проектов этой направленности, развиваются в настоящее время не столь интенсивно. Скорее, можно отметить наличие практики сохранения и развития уже имеющегося наследия в этой области, нежели создание новых мемориальных объектов (например, господдержка музея А.В. Суворова в г. Барановичи Брестской области или Военно-Исторического музея им. П.И. Багратиона в г. Волковыске Гродненской области). В последние годы на общерусскую идеологию западнорусизма, постулирующую национальное единство великорусов и белорусов, в Беларуси наложен негласный запрет, несмотря на периодически появляющиеся популистские заявления Президента РБ А.Г. Лукашенко о братском единстве русского и белорусского народов. Эта тенденция особенно возобладали после украинского кризиса, когда белорусская официальная элита заняла выжидающе-настороженную, охранительную позицию (см.: [16]). В случае конфликта интересов этих двух оппонирующих друг другу нарративов официальные белорусские власти отдают зачастую приоритет националистическим проектам коммеморации, традиционно имеющим антироссийскую направленность. Так, показателен пример с памятным знаком, установленным у государственного профессионально-технического колледжа в г.п. Видзы (Браславский район Витебской области), с которого под давлением националистически ориентированной белорусской общественности и соответствующих СМИ были в начале сентября 2019 г. демонтированы герб Российской империи и надпись о том, что училище было открыто 1 сентября 1803 г. по указу императора Александра I [17]. Данный пример очень показателен, поскольку хорошо иллюстрирует характер и специфику выстраивания отношений между белорусским государством и представителями националистического проекта на современном этапе: после кампании против этого памятного знака, развернувшейся в националистически ориентированных СМИ и социальных сетях, приведшей к сбору подписей за его демонтаж на платформе petitions.by, Министерство культуры Беларуси после проведения консультаций с Национальной академией наук потребовало принять соответствующие меры у областных и районных властей, в результате чего с памятного знака были удалены российский герб и все поясняющие надписи.

Таким образом, подобные особенности функционирования практик символической коммеморации наглядно демонстрируют многовекторность политики памяти в современном белорусском публичном пространстве, в котором ведутся постоянные дискуссии о том, что следует помнить, что нужно вспоминать, а что следует забыть. В основе этой политики – сосуществование конкурирующих проектов, которое приводит к процессам фрагментации исторической памяти и гибридного наложения различных

нарративов национальной идентичности. В результате акцент на интегрирующей функции коммемораций оказывается оттесненным на задний план, что вносит определенный диссонанс в саму стратегию формирования национальной идентичности. Кроме того, эти процессы оказывают негативное влияние и на формирование ценностно-мировоззренческой картины мира, создавая предпосылки для углубления конфликтного напряжения в белорусском обществе: «Когда общество или отдельная группа принимают решение о сохранении в коллективной памяти того или иного события или личности, они одновременно принимают решение о формировании определенных ценностных ориентаций и моделей поведения у своих современников и потомков» [18. С. 80].

Литература

1. Мегилл А. Историческая эпистемология. М. : Канон+, 2007. 480 с.
2. Хаттон П.Х. История как искусство памяти. СПб. : Владимир Даль, 2003. 424 с.
3. Литвин А.М. О людских потерях Беларуси в годы Великой Отечественной войны // Наука и инновации. 2015. № 5 (147). С. 4–16.
4. Иоффе Э.Г. Ах, война, что наделала, подлая // Беларуская думка. 2000. № 8. С. 147–152.
5. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // Империя и нация в зеркале исторической памяти : сб. ст. / ред.-сост. И. Герасимов, М. Могильнер, А. Семенов. М. : Новое изд-во, 2011. С. 7–17.
6. Ластовский А.Л. Специфика исторической памяти в Беларуси: между советским прошлым и национальной перспективой // Вестник общественного мнения. 2009. № 4 (102). С. 88–99.
7. Богусевич Ф. Вступление к сборнику стихов «Дудка беларуская». URL: <https://stihi.d3.ru/frantishek-bogushevich-dudka-belaruskaia-1083764/?sorting=rating> (дата обращения: 10.10.2019).
8. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. Минск : Беларусь, 2011. 590, [1] с.
9. Шимов Вc. Белорусы – не славяне, Беларусь – это Литва: разбираем мифы националистов // Камертон : сетевой литературный и исторический журнал. URL: <https://webkamer-ton.ru/user/2612> (дата обращения: 19.10.2019).
10. Аверьянов-Минский К. Белоруссия: местечковый национализм против западнорусизма / News Front : информационное агентство. URL: <https://news-front.info/2017/04/28/belorusiya-mestechkovuj-natsionalizm-protiv-zapadnorusizma/> (дата обращения: 22.09.2019).
11. Карев Д.В. Западнорусизм и его представители в белорусской историографии пореформенного периода (к проблеме влияния политики на историческую идеологию) // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 1. Гісторыя. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2009. № 2 (80). С. 91–102.
12. Гулевич Вл. Идеология западнорусизма // Сегодня.ру : информационно-аналитическое сетевое издание. URL: <http://www.segodnia.ru/content/112644> (дата обращения: 10.09.2019).
13. Коялович М.И. Лекции по истории Западной России. М. : Тип. Бахметева, 1864. 393 с.
14. В Витебске установили памятник князю Ольгерду // Наша Нива. URL: <https://nn.by/?c=ar&i=130420&lang=ru> (дата обращения: 05.10.2019).
15. Памятник Александру Невскому и его семье устанавливают в Витебске // Информационное агентство БЕЛТА. URL: <https://www.belta.by/regions/view/pamjatnik-aleksandru-nevskomu-i-ego-semje-ustanavlivajut-v-vitebske-198196-2016/> (дата обращения: 21.10.2019).
16. Аверьянов-Минский К., Мальцев В. Белорусский национализм против русского мира. М. : ММО «СIS-ЕМО», 2015. 192 с.
17. Дашчынскі А. «Не даспадобы людзям, то калі ласка». У Відзах з «памятнага знаку» дэмантавалі герб Расейскай імперыі // Радио Свобода. URL: <https://www.svaboda.org/a/30150205.html> (дата обращения: 24.10.2019).
18. Шуб М.Л. Современные коммеморативные практики: воспитательный и образовательный потенциал // Челябинский гуманитарий. 2016. № 3 (36). С. 80–87.

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2019. 52. pp. 205–212.

DOI: 10.17223/1998863X/52/19

ON SYMBOLIC ASPECTS OF THE MODERN BELARUSIAN POLITICS OF MEMORY: NATIONALISM VS ZAPADNORUSIZM

Keywords: politics of memory; commemoration; Nationalism; Zapadnorusizm; Belarus.

The article analyzes the features of building the politics of memory in modern Belarus on the example of symbolic commemoration practices: the creation of new memorials, monuments and museums. By the example of different cases, the author demonstrates how the diverse nature of these new projects clearly reflects the coexistence of several competing lines of memory policy—Nationalism and Zapadnorusizm (Westrussianism)—in the modern Belarusian public discourse. At present, the elements of these lines in different proportions are also used in the official discourse of the Belarusian politics of memory. At the official level, the Neo-Soviet narrative prevails, which is focused around the representation of the events of the Great Patriotic War as the key moments for the formation of the Belarusian national identity: the specific core of this narrative is, first of all, the themes of the guerrilla movement and the huge number of victims among the population. The project of Belarusian nationalism is built around three main points: the cultivation of the Belarusian language, the fetishization of the Lithuanian period in the history of Belarus and the postulation of different “blood composition” in Belarusians and Russians. In turn, the project of Zapadnorusizm at the present stage seeks to maintain the idea of a common “Russianness” as a system-forming principle and, as a consequence, to erase the differences within the common cultural, socioeconomic and geopolitical space. The article notes that both of these competing narratives – Nationalism and Zapadnorusizm – are presented unevenly in the Belarusian symbolic space. Using examples of symbolic commemoration, the author demonstrates that the project of Belarusian nationalism is now in a more advantageous position, and, in the case of a conflict of interests, the official Belarusian authorities often give priority to nationalist projects of commemoration, which traditionally have an anti-Russian orientation. The search for national identity leads the Belarusian authorities to incorporate elements of local, usually anti-Russian-oriented nationalism into their official discourse. It is concluded that the practices of symbolic commemoration clearly demonstrate the multi-vector nature of the politics of memory in modern Belarus. The coexistence of these competing projects leads to the fragmentation of historical memory and the hybrid stratification of different narratives of national identity.

References

1. Megill, A. (2007) *Istoricheskaya epistemologiya* [Historical epistemology]. Translated from English. Moscow: Kanon +.
2. Hutton, P.H. (2003) *Istoriya kak iskusstvo pamyati* [History as the art of memory]. Translated from English by V.YU. Bystrov. St. Petersburg: Vladimir Dal'.
3. Litvin, A.M. (2015) O lyudskikh poteryakh Belarusi v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [On human losses in Belarus during the Great Patriotic War]. *Nauka i innovatsii – Science and Innovations*. 5(147). pp. 4–16. (In Russian).
4. Ioffe, E.G. (2000) Akh, voyna, chto nadelala, podlaya [Ah, the vile war, what you have done]. *Belaruskaya dumka*. 8. pp. 147–152.
5. Zerubavel, Ya. (2011) Dinamika kolektivnoy pamyati [The dynamics of collective memory]. In: Gerasimov, I., Mogilner, M. & Semenov, A. (eds) *Imperiya i natsiya v zerkale istoricheskoy pamyati* [Empire and Nation in the Mirror of Historical Memory]. Moscow: Novoe izd-vo. pp. 7–17.
6. Lastovsky, A.L. (2009) Spetsifika istoricheskoy pamyati v Belarusi: mezhdru sovetским прошлым i natsional'noy perspektivoy [Specificity of historical memory in Belarus: between the Soviet past and the national perspective]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya – Russian Public Opinion Herald*. 4(102). pp. 88–99.
7. Bogushevich, F. (n.d.) *Vstuplenie k sborniku stikhov “Dudka belaruskaya”* [Introduction to the collection of poems “The Belarusian flute”]. [Online] Available from: <https://stihi.d3.ru/frantishek-bogushevich-dudka-belarusskaia-1083764/?sorting=rating> (Accessed: 10th October 2019).
8. Dovnar-Zapolsky, M.V. (2011) *Istoriya Belorussii* [History of Belarus]. Minsk: Belarus.
9. Shimov, Vs. (n.d.) *Belorusy – ne slavyane, Belarus' – eto Litva: razbiraem mify natsionalistov* [Belarusians are not Slavs, Belarus is Lithuania: we analyze myths of nationalists]. [Online] Available from: <https://webkamerton.ru/user/2612> (Accessed: 19th October 2019).

10. Averyanov-Minsky, K. (2017) *Belorussiya: mestechkovyy natsionalizm protiv zapadnorusizma* [Belarus: local nationalism against West Russianism]. [Online] Available from: <https://news-front.info/2017/04/28/belorussiya-mestechkovyj-natsionalizm-protiv-zapadnorusizma/> (Accessed: 22nd October 2019)
11. Karev, D.V. (2009) Zapadnorusizm i ego predstaviteli v belorusskoy istoriografii poreformennogo perioda (k probleme vliyaniya politiki na istoricheskuyu ideologiyu) [West Russianism and its representatives in the Belarusian historiography of the post-reform period (on the influence of politics on historical ideology)]. *Vesnik Grodzenskaga dzvazhajnaga yunivertsiteta imya Yanki Kupaly – Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology. Philosophy. Political Science.* 2(80). pp. 91–102.
12. Gulevich, V.I. (2012) *Ideologiya zapadnorusizma* [Ideology of West Russianism]. [Online] Available from: <http://www.segodnia.ru/content/112644> (Accessed: 10th September 2019)
13. Koyalovich, M.I. (1864) *Lektsii po istorii Zapadnoy Rossii* [Lectures on the History of Western Russia]. Moscow: Tip. Bakhmeteva.
14. *Nasha Niva*. (2014) V Vitebske ustanovili pamyatnik knyazyu Ol'gerdu [A monument to Prince Olgerd has been erected in Vitebsk]. [Online] Available from: <https://nn.by/?c=ar&i=130420&lang=ru> (Accessed: 5th October 2019).
15. BELTA. (2016) *Pamyatnik Aleksandru Nevskomu i ego sem'e ustanavlivayut v Vitebske* [Monument to Alexander Nevsky and his family is being erected in Vitebsk]. [Online] Available from: <https://www.belta.by/regions/view/pamjatnik-aleksandru-nevskomu-i-ego-semje-ustanavlivajut-v-vitebske-198196-2016/> (Accessed: 21st October 2019).
16. Averyanov-Minsky, K. & Maltsev, V. (2015) *Belorusskiy natsionalizm protiv russkogo mira* [Belarusian nationalism against the Russian world]. Moscow: CIS-EMO.
17. Dashchynski, A. (2019) “*Ne daspadoby lyudzyam, to kali laska*”. U Vidzakh z “*pamyatnaga znaku*” demantavali gerb Raseyskay imperyi. [Online] Available from: <https://www.svaboda.org/a/30150205.html> (Accessed: 24th October 2019).
18. Shub, M.L. (2016) Sovremennye kommemorativnye praktiki: vospitatel'nyy i obrazovatel'nyy potentsial [Modern commemorative practices: educational potential]. *Chelyabinskiy gumanitariy.* 3(36). pp. 80–87.